

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183

МОДЕРНИЗАЦИЯ КОНСТИТУЦИИ РОССИИ (К ИТОГАМ ОБСУЖДЕНИЯ В СВЯЗИ С 25-ЛЕТИЕМ)

Н.А. Власенко

Российский университет дружбы народов

Юридический институт

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Прошло четверть века с момента принятия Конституции Российской Федерации всенародным референдумом. Юбилей дает повод порассуждать об оптимальности конституционных положений, их эффективности, а где-то и практической целесообразности. В статье поставлена задача проанализировать высказанные в этой связи точки зрения в научной печати, газетной периодике и других средствах массовой информации. Однако прежде автор уделяет внимание истории появления Конституции РФ 1993 года. Отмечается, что Основной Закон, с одной стороны, явился военно-политическим компромиссом между сторонниками парламентского видения устройства страны в будущем и сторонниками сильной президентской власти, с другой стороны, позволил полностью распрощаться с советскими строем и традициями. Данная ситуация и фактор торопливости, спешности не могли не повлиять на содержательное и технико-юридическое качество документа. Высказанные мнения по вопросу модернизации Конституции России автор свел к трем позициям: 1) Конституция не исчерпала своих возможностей, и трогать ее текст нет оснований; 2) необходима полноценная конституционная реформа, действующая Конституция свой потенциал исчерпала; 3) необходимы «точечные» изменения и дополнения, способные улучшить Конституцию.

В статье аргументируется, что последняя позиция так называемых точечных изменений — наиболее продуктивна и позволяет конституционный документ сделать адекватным и актуальным. В этой связи на первоначальном этапе предлагается провести несколько «круглых столов» по вопросу выработки концепций совершенствования конституционных основ. Одну из них автор называет перспективной и предлагает подготовить перечень предложений по изъятию идеологически и фактически не подтвердивших себя в практической жизни положений. Речь идет о правовом государстве (исключая принцип разделения государственной власти), социальном государстве и т.д. Другую концепцию, которую также необходимо разработать, — это институциональную (концепцию статуса властей, их полномочий и баланса и др.). Данные идеи, считает автор, должны быть компромиссом между учеными, затем стать достоянием общественности и реализовываться в практику конституционного строительства.

Ключевые слова: конституция, юридическая конституция, фактическая конституция, правовое государство, социальное государство, конституционное законодательство, глава государства

I. ВВЕДЕНИЕ. ЖИЗНЬ И КОНСТИТУЦИЯ

Прошло 25 лет с момента принятия всенародным референдумом Конституции Российской Федерации. Ее одобрению предшествовали годы бурных, где-то эмоциональных конституционных устремлений, поисков и дискуссий. Передовая юридическая общественность того времени по существу была полностью вовлечена в дело подготовки текста Конституции России — и в Москве, в действующих эшелонах государственной власти, и на местах, где заинтересованно и горячо обсуждались конституционные идеи и предложения. Объяснить скачок в развитии конституционной культуры в тот период времени не сложно: общество нуждалось в коренном обновлении, жаждало стабильности, накопившаяся усталость от политических споров и потрясений давала о себе знать. Как отмечают эксперты, настойчивость президентской власти в деле скорейшего принятия Основного Закона себя оправдала, и не согласиться с этим нельзя. Но нельзя не согласиться и с тем, что спешность — не лучший помощник в деле законотворения, так же, как и с тем, что четверть века — достаточно небольшой срок для такого плана юридического документа и тем более для общества, «пересевшего» на новые рельсы развития.

Итак, Конституция РФ была принята на референдуме 12 декабря 1993 года. Об Основном Законе говорят как об общественном компромиссе, как результате вооруженного конфликта между Президентом Ельциным Б.Н. и Верховным Советом РСФСР. Однако нужно не забывать и пограничные итоги голосования: проект одобрили 58,4 %, против высказались 41,6 %¹. А если учесть вбрасывания, подделку итоговых протоколов, о которых знаю не понаслышке, ибо в то время работал в областной администрации в одном из регионов страны и имел отношение к работе областных структур, курирующих избиркомы. Но это отдельная история. Учитывая сказанное, возникает вопрос: можно ли и справедливо ли характеризовать «конституцию как “формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства, базой которого должен быть реальный общественный договор между основными слоями населения и группами нашего общества”»²? Как видно, абсолютного большинства, поддерживающего политико-юридические настроения победившей стороны, не было. Из личных воспоминаний скажу о следующем. Когда прочитал проект документа, то помню, что поразила меня огромная концентрация власти у Президента РФ. Странники Ельцина объясняли, что это необходимо для поддержания мира, профилактики гражданского противостояния, а сам же Б.Н. Ель-

¹ Аптекарь П., Рувинский В., Железнова М. Почему Конституция дожила до своего 25-летия // Ведомости. 2018. 12 декабря.

² Зорькин В.Д. Доверие и право // Российская газета. 2013. 29 апреля.

цин — демократ и либерал по убеждениям, и в том, что у него громадные государственные полномочия — ничего страшного нет³.

Исследователь (достаточно критичный) конституционного строя России С.А. Денисов пишет, что диктатуру Президента РФ Б.Н. Ельцина в 1993 году сторонники конституционализма поддержали по причине надежды на то, что его личной властью страна сможет перейти к демократическому конституционному строю и продолжать реформы (Denisov, 2018:75).

Для чего это пишу? Надо понять, в каких условиях принимался Основной Закон, и помнить, сколько граждан России не поддержали документ и высказались против. Между тем документ живет и его жизнестойкость и универсальность, хотели бы мы того или нет, — факт. Понятно, что немалую роль в этом играет Конституционный Суд РФ. Принцип «живой» конституции, принцип чувствования «духа» конституционного документа, вошедший в ткань мировоззрения и деятельности КС РФ, имеют свои результаты. В этой связи заявления Председателя КС РФ о возможности и объективной необходимости изменения своих правовых позиций становятся объяснимыми.

Безусловно, существующие положения Конституции России в правоприменительной практике наполняются новым содержанием, адаптируются к жизни и проявляющимся реалиям (Umnova (Konyuhova), 2015:51–59).

К слову сказать, поправки, внесенные в Конституцию России, в своем большинстве касаются переименования регионов, как иногда пишут конституционалисты. Однако есть вкрапления содержательные, о чем тоже нельзя забывать — это продление полномочий президента и парламента, объединение двух судов — Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ. Иначе говоря, конституционная модификация налицо, и это не позволяет в полной мере говорить о юридической стабильности Основного Закона.

Таким образом, мы видим следующее. С одной стороны, Конституция России была принята экстренно, можно, хоть и с натяжкой, сказать — в ситуации гражданского вооруженного конфликта. Здесь напрашивается суждение, причем очевидное: документы, принятые при таких обстоятельствах, не могут быть исключительно добротными ни с содержательных, ни с технико-юридических позиций. Право, как известно, для мирной жизни; что касается Основного Закона — он тем более должен создаваться в обстановке и мирной, и компромиссной. Это дает возможность говорить о необходимости модификации действующего основного юридического документа. С другой стороны, внесенные поправки, по крайней мере формально, также позволяют говорить о несовершенстве конституционных институтов и необходимости внесения изменений и дополнений.

³ В каких условиях разрабатывалась и принималась Конституция РФ 1993 свидетельствуют участники событий тех лет. Подробнее об этом см.: Конституционный вестник. 2019, № 4, С. 6–169.

25-летний юбилей разделил мнения юристов, в частности и конституционалистов, а также политиков, депутатов и др., о перспективах Конституции РФ. Анализируя высказанные на этот счет мнения, я, с долей условности, разделил их на три позиции:

- 1) «Конституция еще не исчерпала своих возможностей, и трогать ее текст не следует»;
- 2) «необходима полноценная конституционная реформа; действующая Конституция свой потенциал исчерпала»;
- 3) «необходимы “точечные” изменения и дополнения; они должны быть корректны, актуальны и должны улучшать конституционное правовое состояние страны».

Проиллюстрируем данные позиции.

II. «КОНСТИТУЦИЯ НЕ ИСЧЕРПАЛА СВОИХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ...»

Бросается в глаза то, что точку зрения о стабильности Конституции РФ, ее неисчерпаемом потенциале в период празднования 25-летия активно излагали профессиональные юристы-политики, прежде всего, работающие в системе представительной власти. Так, П. Крашенинников заявил следующее: «Дискуссии особенно жарко разгораются в период важных политических решений. Однако, возвращаясь к политической и правовой истории, стоит отметить, что первая советская Конституция действовала 12 лет. «Сталинская» — 41 год. «Брежневская» — 14 лет. «Ельцинская» работает уже 24 года. Есть надежда, что на этом чехарда с основными законами страны закончится, по крайней мере — на ближайшие сто лет»⁴. В достаточно большом материале автор не предложил ни одной позиции по совершенствованию Основного Закона. Другой профессионал-юрист и политик А.А. Клишас заявил следующее: «Конституция еще не исчерпала своих возможностей и справляется с основной функцией: быть механизмом разрешения противоречий между обществом и властью»⁵. В. Матвиенко накануне празднования 25-летия Конституции РФ дала большое интервью, помещенное в «Российской газете»⁶. Из него можно заключить следующее: ничего менять в действующей Конституции не следует. По крайней мере, ни одной идеи, ни одной позиции предложено не было.

Автор материала лишь педантирует на то, что ветви государственной власти, механизм государства, местное самоуправление должны эффективнее исполнять и претворять в жизнь нормы Конституции России.

Где-то в этой же плоскости и точка зрения А.В. Безрукова, который отмечает, что «оптимальными способами развития и конкретизации положений

⁴ Крашенинников П. Как рождалась наша Конституция // Российская газета. 2017. 12 декабря.

⁵ Клишас А.А. Путь к успеху – любовь к своему делу // Дружба. 2018. 26 ноября.

⁶ Матвиенко В. Закон прямого действия // Российская газета. 2018. 12 декабря.

Конституции РФ должны оставаться качественное и своевременное наполнение российским парламентом действующего законодательства, и отрицательная интерпретация Конституционным Судом России отдельных положений Конституции РФ» (Bezrukov, 2017). Такая точка зрения таит в себе, по крайней мере, две опасности: ползучее выхолащивающие конституционных положений и, в конечном итоге, отрицание Конституции, либо длительное существование и скорее прозябание общества и государства в «застойном» периоде. В силу указанных выше причин нынешний Основной Закон, как очевидно, вряд ли адекватен для современности, а ряд его положений не только не нужно наполнять новым содержанием, а просто удалить, о чем пойдет речь далее.

Идея изменений и дополнений Конституции РФ не устраивает не только так называемых политиков — государственных чиновников, но других экспертов. В этой связи интересную, по крайней мере, нестандартную точку зрения высказал К. Мартынов, редактор отдела политики и экономики «Новой газеты»: «Сегодня любые попытки манипуляции с текстом Конституции, даже самые благовидные, будут выгодны только нынешним российским властям»⁷. Мысль Мартынова проста, «передел» Конституции позволит остаться у власти нынешнему политическому режиму после 2024 года.

III. «НЕОБХОДИМА ПОЛНОЦЕННАЯ КОНСТИТУЦИОННАЯ РЕФОРМА»

В. Пастухов полагает, что Конституция вырастает из согласия, а не из штыка. Конституция 1993 года вылетела из ствола танка, стрелявшего по политическим оппонентам, и в этом ее главная проблема, «ее неустранимая родовая травма». И далее автор заключает, в достаточно спокойном тоне, что не может не импонировать, как и его идея: «Предлагается снизить градус риторики, враждебности и предубеждений и начать цивилизованную дискуссию о путях конституционного развития страны в рамках виртуального “круглого конституционного стола”. Такой диалог мог бы стать отправной точкой для нового этапа в развитии конституционализма в России»⁸.

Есть мнения достаточно радикальные. Так, Э. Болтянская пишет, что созрела необходимость значительно переработать текст Конституции РФ, наряду с другими изменениями в ней необходимо прописать, что русский народ является самым многочисленным и государственно-образующим народом Российской Федерации⁹.

Достаточно жесткую оценку Конституции России, кстати, еще в связи с 20-летием, дал Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин в пре-

⁷ Мартынов К. Второй пошел // Новая газета. 2018. 12 октября.

⁸ Пастухов В. Допустима ли дискуссия о маршрутах эвакуации из авторитарного государства? // Новая газета. 2018. 10 декабря.

⁹ Болтянская Э. Хотелось бы пожить при демократии // Литературная газета. 2019.13–19 апреля.

дисловии к книге А.А. Клишаса и В.В. Еремяна: «К сожалению, на этом пути не удалось избежать отдельных ошибок (в том числе трудно объяснимых с практической точки зрения), научный анализ которых будет способствовать скорейшему преодолению их последствий и не совершению в дальнейшем чего-либо подобного» (Klishas, Yeremyan, 2014:4).

Словом, высказанные выше точки зрения так или иначе, прямо или косвенно, говорят в пользу конституционной реформы. Другой вопрос — масштаб этой реформы.

IV. «НЕОБХОДИМЫ ТОЧЕЧНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДОПОЛНЕНИЯ...»

В научном творчестве В.Д. Зорькина Конституция Российской Федерации всегда предмет особого бережного внимания и оценивается как стабилизирующий Россию политико-правовой документ и символ правовой идентичности нации. Это понять можно: должность председателя Конституционного Суда РФ обязывает. Однако взгляды Зорькина на Конституцию и конституционное устройство России не стоят на месте и меняются. Так, в 2013 году автор говорил о необходимости разработки концепции российского конституционализма с учетом особенностей российского общества. Конституцию России ученый видел как «формализованный общественный договор о принципах государственного и общественного устройства»¹⁰. Чуть раньше автор принцип верховенства права толковал исключительно как «принцип приоритета прав человека, которым должно руководствоваться современное демократическое государство в своей правотворческой и правоприменительной деятельности». Здесь отмечалось о необходимости «внесения определенных коррективов в ту пока еще во многом стихийную правовую политику в системе глобальных отношений, повестка дня которой формируется сейчас главным образом странами Запада»¹¹. Однако взгляды В.Д. Зорькина под воздействием времени и фактической жизни в последнее время подверглись еще большим изменениям. Автор справедливо указывает, что главным источником напряженностей в российском обществе является нерешенность социально-экономических проблем, в том числе недостаточная защита социальных прав. Наиболее болезненно и остро, справедливо отмечает автор, «воспринимаются обществом крайне несправедливое распределение бремени проводимых в стране экономических реформ, свидетельством которого в первую очередь является чрезмерное социальное расслоение»¹². Комментируя и другие негативные обстоятельства современной жизни, автор делает, по крайней мере как нам представляется, два важных вывода — о необходимости «корректировки либерально-индивидуалистического подхода к право-

¹⁰ Зорькин В.Д. Конституционный вектор России // Российская газета. 2013. 19 ноября.

¹¹ Зорькин В.Д. Верховенство права и императив безопасности // Российская газета. 2012. 16 мая.

¹² Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // Российская газета. 2018. 09 октября.

пониманию (доминирующего в сегодняшней мировой теории и практике), которая привнесла бы в само понятие права идеи солидаризма. И другой вывод — о важности и неизбежности развития правового потенциала Конституции. Что нужно развивать, по мнению Зорькина? Я бы сказал, что речь идет скорее не о развитии, а исправлении «перекосов», сделанных в угоду того времени, когда верстался итоговый текст Основного Закона. Автор видит крен в пользу исполнительной ветви власти, нечеткость распределения полномочий между президентом и правительством, в определении статуса администрации президента и полномочий прокуратуры, несбалансированность органов местного самоуправления и органов государственной власти (ст. 12 Конституции РФ), недостатки разграничения предметов ведения и полномочий между Федерацией и ее субъектами.

Вслед за В.Д. Зорькиным другой бывший активный участник Конституционного совещания 1993 года соглашается с идеей точечных изменений. Однако автор заявляет следующее: «Точечные изменения Конституции возможны и полезны, но не те, которые предлагает Зорькин»¹³. Автор считает, в отличие от Зорькина, что никакого крена в пользу исполнительной власти не существует, наоборот, это слабейшее звено в системе государственной власти, «крен» существует, с чем нельзя не согласиться, в сторону главы государства и его администрации в части их полномочий. При этом также справедливо полагается, что нужно исключить так называемое «ручное управление» со стороны главы государства. Кроме того, автор считает опасным редактирование ст. 12 Конституции РФ, которая стоит на твердом республиканском принципе: источником власти является народ, а не вождь. Огосударствление местного самоуправления приведет к тому, что уже радикальная конституционная реформа не потребуется.

Точечные изменения и дополнения поддержал Председатель Госдумы РФ В. Володин. Его видение таких новаций — это «баланс в деятельности законодательной и исполнительной власти», главным образом в «вопросе участия Государственной Думы в формировании правительства»¹⁴. основополагающие положения спикер предложил не трогать.

Есть и эксперты, которые, оценивая современный текст Конституции РФ, конституционную реальность, так ясного ответа на вопрос о ее перспективах не дали. Так, Е.А. Лукьянова, известный специалист в сфере конституционного права, я бы сказал, блестяще показала слабые стороны Основного Закона, тенденции, в том числе законодательные, выхолащивающие конституционные положения (например, в ситуации соотношения федерализма и бюджетного законодатель-

¹³ Цыпляев С. Что надо менять в Конституции // Ведомости. 2018. 23 октября.

¹⁴ Вишневецкий Б. Парламент — место для кого? // Новая газета. 2019. 8 апреля. См. также: Замахина Т. На контроле у депутатов // Российская газета. 2019. 29 января.

ства), а также нарастающий, по выражению автора, «ползучий антиконституционализм». Однако Лукьянова так и не дала ответа о перспективах Конституции РФ, необходимости ее модификации. Права Лукьянова — дело «не в нормах. Сами по себе они могли бы служить и демократии. Дело все же, — заключает она в нравах»¹⁵. Какое-то время назад Е. Лукьянова в своей книге «Конституционные риски» отмечала следующее: «действующая Конституция России считается в науке одной из самых неудачных за всю российскую конституционную историю. Не только по своим юридическим параметрам, но и по всей конструкции в целом. Она состоит из двух практически несовместимых частей, которые блокируют ее реализацию именно в силу своей несовместимости. Речь идет о европейско-либеральных современных 1 и 2 и архаично-авторитарных 3-8-й главах» (Lukyanova, 2015:28). В рамках такого подхода уместно привести мысль Ф. Крашенинникова, отмечающего, что «написанная под вполне конкретного президента Конституция 1993 г. привела к тому, что его преемник полностью изменил ее дух, не меняя буквы»¹⁶.

Однако нынешняя полемика о перспективах Конституции РФ не лишилась и где-то таких неожиданных, я бы сказал «экзотических», оценок и характеристик. Так, В.Н. Корнев вдруг пишет: «Действующая Конституция Российской Федерации — это новый по своей сущности нормативный акт (ни много ни мало — «новый», да еще и «по сущности» — Н.В. Корнев), который обладает высшей юридической силой и имеет прямое действие» (Kornev, 2019). Прежде заметим, что признаки, перечисленные автором после констатации того, что это новый по сущности документ, стандартны и очевидны. И все же, что такого «нового» вдруг увидел автор спустя 25 лет после принятия Конституции РФ? А дело вот в чем. Выясняется, что до настоящего момента господствующий позитивизм «ограничивался анализом только конституционного текста», которому так называемая «интегративная природа» Конституции, видимо, не доступна (Kornev, 2019).

Первоначально не ясно одно: почему методология позитивизма «ограничивается текстом»? С каких пор? Иначе говоря, почему автор ставит знак равенства между позитивизмом и пресловутой герменевтикой? С каких пор конституционный позитивизм в своем исследовании ограничивался конституционным текстом?

Словом, в начале статьи автором делано немало «стратегических» заявлений. Начинается материал с констатации интегративной природы права и дефинирования «интегративной сущности права». И в чем же она? Читаем, что

¹⁵ Никитинский Л. Дни Конституции // Новая газета. 2018. 7 декабря.

¹⁶ Крашенинников Ф. Последний день Конституции // Ведомости. 2017. 13 декабря.

«она в различных измерениях, которые обусловлены его сложной и многоаспектной природой, что предполагает обоснованность различных, тесно взаимосвязанных между собой подходов к его пониманию и исследованию» (Kornev, 2019). Получается так, что сущность — это не главное и определяющее в явлении, а всего лишь «подходы к его пониманию и исследованию». А.Ф. Черданцев «зубодробительно» отверг стелания по поводу все объяснительной природы интегративного метода (Cherdantsev, 2015:8–15). В.Н. Корнев этого не замечает. Упорству позавидуешь. Но к делу. В чем же все-таки так называемая интегративная сущность Конституции РФ?

Первое, на что обращает внимание ученый, — это на наличие ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, где, как известно, сказано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы» и т.д. Оказывается, именно это положение «есть легальные конституционные основания для того, чтобы рассматривать международное и внутригосударственное право как единую систему действующего в России объективного права, что также (внимание!) подтверждает интегративную сущность Конституции Российской Федерации» (Kornev, 2019). Что такое сокровенное подействовало на автора, что он за известными положениями ч. 4 ст. 15 Конституции вдруг увидел «интегративную сущность Конституции Российской Федерации»? Может ли вообще, — известная задача любой современной конституции интегрировать ее правовую систему в международную, давать основания утверждать о некой интегративной сущности документа? Автор не заметил элементарную подмену тезиса, что характерно для представителей интегративного подхода. Выше профессор Корнев В.Н. пишет об интегративной сущности права, его многоаспектной и сложной природе, и далее переходит к простой констатации того, что общепризнанные принципы и нормы права, международные договоры — часть правовой системы России. И что здесь так глобально вскрывает сущность Конституции? Да еще интегративную? Надежды не оправдались: все просто, банально и давно известно. Нужно ли было автору так ставить вопрос. Быть может в дальнейших рассуждениях идея ученого оправдается? Далее автор воспроизводит концепцию Г.А. Гаджиева об онтологической природе права, и где-то, «забывая» о тезисах Гаджиева, возвращается к онтологической характеристике права, и уже жестко не отстраняется от «выраженных позитивистских идеях» и пишет просто, что «синтез естественно-правового и позитивистского типов правопонимания составляет предпосылку для формирования концепции интегративного понимания действующего права...» (Kornev, 2019).

Возникает в этой связи традиционный, уже, простите, «с бородой», вопрос — а что синтезировать будет В.Н. Корнев из многогранной естественной правовой теории и многоаспектного позитивизма? Этот же вопрос А.Ф. Черданцев в известной статье задавал М.В. Немытиной, В.В. Ершову и т.д. Ответа нет, и вряд ли будет.

Читаем дальше. В чем же все-таки сущность Конституции РФ, да еще с таким привеском, как «интегративная»? Автор рассуждает о принципах права (только как обязанностях), о ценностях в конституционном поле, достоинстве личности, о правах человека и справедливости в этой связи. Все это известные конституционные положения, которые можно продолжать.

Словом, надежды не оправдались — интегративная сущность Конституции превратилась в некую «солянку» или «винегрет» по вкусовому принципу усмотрения автора. Такого плана публикации вряд ли обогатят теорию интегративного правопонимания, а лишь подтверждают тезис А.Ф. Черданцева, что интегративный подход в правоведении не нужен.

V. ПЕРВЫЕ ОСТОРОЖНЫЕ ШАГИ

Представляется, что точка зрения о необходимости точечных изменений в Конституцию РФ — наиболее оптимальны. Здесь общество и власть уходят от крайности, от широкомасштабных политических и юридических дискуссий, неизбежных потрясений и перетрясок эшелонов государственной власти, финансовых расходов и т.д.

И еще одно: в настоящее время Конституция России подвергается разным оценкам и характеристикам ученых, публицистов, что в принципе допустимо и должно приветствоваться. Однако иногда упускается тот факт, что конституция — это нормативный правовой документ, это юридический регулятор, это основа системы права, каскад пирамиды правовых норм.

Итак, приходим к выводу, что современная Конституция России должна корректироваться, основываться на *принципе адекватности* существующей реальной жизни практике. Все это говорит в пользу того, что точечные изменения не только возможны, но и необходимы.

Однако возникает вопрос: как это должно происходить? Какая методика должна быть положена? К сожалению, голосующие «за» точечное преобразование Основного Закона (В.Д. Зорькин, С. Цыпляев и др.) рецепта не дают. Более того, предлагаемое «пощипование» Конституции чревато нарушением ее архитектоники и системности (какого бы качества она не была). А значит, требуется *концептуальное видение точечных преобразований*.

Полагаем, необходимо приступить, по крайней мере, к осмыслению двух концепций точечного совершенствования Основного Закона.

VI. ПЕРСПЕКТИВНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Перспективная концепция, условно назовем ее так: «Изъятие социально и идеологически отягчающих» идей и положений. Речь идет о том, что в России пока не удалось создать и построить того, что провозглашалось, от чего практика государственного и социального строительства отказалась. Здесь, конечно,

нельзя выплеснуть, что называется, с водой ребенка. Очевидно, что идейные ценности (принципы, задачи и др.), главным образом, сконцентрированы в гл. 1-й (Основы конституционного строя), которая особо защищена ст. 135 Конституции РФ. Но пока речь не идет о созыве Конституционного Собрания и т.д. Речь идет лишь о разработке концепции точечных изменений, являющихся продуктом либерального мышления и соответствующей идеологии. Не секрет, что в настоящее время на смену либеральному духу пришло консервативное мышление с другим пониманием роли государства, его объема в обществе и экономике; роли местного самоуправления («вечные» споры вокруг ст. 12). Очевидно, что идея правового государства также не выдерживает проверку временем, как и то, что Российская Федерация — социальное государство. Доказывать это не приходится. Без доктрины социальных прав и их гарантий вряд ли можно на конституционном уровне констатировать, что Россия — государство социальное. Здесь заметим следующее.

По данным ВЦИОМ, доля россиян, полагающих, что необходимо Конституцию РФ менять, увеличивается и перевалила за 50 % опрошенных. Изменения, как считают респонденты, нужны в ст. 7, где, как известно, речь идет о социальном государстве. Предлагается ввести положение о минимальном размере оплаты труда, пенсии, сроках выплат; многие полагают, что нужно усилить гарантии бесплатного образования и здравоохранения¹⁷. К сожалению, Конституционный Суд РФ не стал рассматривать запрос депутатов трех фракций о соответствии пенсионной реформы Основному Закону. Определение пенсионного возраста является, как посчитал Конституционный Суд, прерогативой законодательной власти. Не берусь судить, прав или не прав в этом случае Конституционный Суд, но то, что этот факт усиливает антисоциальные настроения, очевиден. Заметим, в период празднования 20-летия Конституционного Суда РФ в интервью М. Барщевскому ответы В.Д. Зорькина о роли конституционного правосудия были более оптимистичны. «За каждым спором о конституционности закона — будь то нормы, определяющие судьбу смертной казни, размер пенсии, порядок регистрации на садовых участках или порядок выдвижения кандидатов в депутаты сельского поселения, — стоят конкретные права людей, их жизнь и судьба. Поэтому в Конституционном Суде никогда не будет “мелких дел”»¹⁸. Как видно, в тот период не только возраст, но и размер пенсии виделись конституционной проблемой. Сейчас нет.

Заметим также, что Председатель Госдумы РФ В. Володин в своем выступлении, посвященном 25-летию Конституции РФ, предложил «раскрыть определение “социальное государство”»¹⁹. Иначе говоря, проблема социальной государственности в России и ее конституционного закрепления назрела и тре-

¹⁷ Аптекарь П. Конституция сильной руки // Ведомости. 2017. 13 декабря.

¹⁸ Барщевский М. Тайна совещательной комнаты // Российская газета. 2011. 20 октября.

¹⁹ Замахина М. На контроле у депутатов // Российская газета. 2019. 22 января.

бует решения. Здесь же возникает и проблема соотношения специального и правового государства. К сожалению, в ходе дискуссии на это внимание практически обращено не было

VII. К ДИСКУССИИ О СООТНОШЕНИИ ПОНЯТИЙ «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО» И «СОЦИАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО»

Начнем с того, что либеральная идеология как система взглядов обладает уникальным качеством — это свобода обоснования собственных идей, чего не скажешь, например, относительно теологических воззрений или воззрений социалистических эпохи Советского Союза и т.д. Это, с одной стороны, примечательно и позволяет характеризовать либерализм как гуманистическую философию и такие ее направления, как философия права. Между тем свобода идей, теорий и концепций могут противопоставляться, порой и взаимоисключаться. Еще более сложный вопрос — это перспектива воплощения гуманистической теории. Воззрения, пусть научные и даже хорошо аргументированные, на практике могут не оправдаться или попросту не воплотиться в жизнь в силу каких-либо причин. Однако практика реализации идей способна породить попутные «наросты» совершенно недемократического плана, вредные и социально опасные. Речь идет об увеличении государственного аппарата, плановых издержек, расходов на механизмы реализации новаций.

Идею правового государства можно назвать господствующей, основной в идеологии современного либерализма. Существуют ее теоретические модификации (Cherdantsev, 1999:162–164); есть немалый европейский, американский опыт реализации. Конституция России 1993 года также подчеркивает, что Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (ст. 1).

Идея социального государства также не нова. Однако широкого концептуального обоснования пока не нашла, несмотря на интерес к ней не только зарубежного, но и отечественного государствоведения²⁰.

Между тем в юридической литературе высказана и достаточно обоснована точка зрения о ненужности и даже социально-политической опасности идеи социального государства. Так, С.С. Алексеев пишет (приведем его аргументацию

²⁰ Бороцкая К.Б. Конституционно право на социальное обеспечение в системе прав человека. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Челябинск, 2006; Наумова Е.Н. Социальное государство в России: проблемы теории и практики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени к.ю.н. Владимир, 2006; Самойленко В.А. Социальная функция современного Российского государства. Автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ю.н. Владимир, 2006; Аристов Е.В. Социальность государства: зарубежный опыт конституционно-правового обеспечения. Автореферат диссертации на соискание ученой степени д.ю.н. М., 2017; Клишас А.А. Социальное государство. М., 2017; Тихомиров Ю.А., вслед за другими авторами, предлагает рассматривать социальные функции современного государства через систему оказания услуг (см.: Тихомиров Ю.А. Государство. М., 2013. С. 184–186.).

подробно): «В настоящее время получила распространение, сверх того, стала некой модой с претензией на статус “передовой” идея социального государства, которая в виде общей терминологической формулы нашла закрепление в ряде конституций последнего времени (Германии, Испании, Турции и др., а ныне — и России). Объективные предпосылки идеи социального государства — те же, что и основания “второго поколения” прав человека» (Alekseev, 1998:309–310).

На следующих страницах С.С. Алексеев еще более категоричен и отмечает следующее: «...по сути дела термин “социальное государство” является стыдливым аналогом термину “социалистическое государство”». И дальше автор продолжает: «Пожалуй, только ужасы сталинского “социализма” и гитлеровского “национал-социализма” потребовали терминологических корректив, замены дискредитированного выражения “социалистическое государство” на более обтекаемое и неопределенное — “социальное государство”». Впрочем, отмечает Алексеев, и ныне при освещении деятельности «социального государства» подчас употребляются характеристики, присущие именно социалистической государственности, прежде всего подчеркивается его «всеохватывающая деятельность, когда государство является «планирующим, управляющим, производящим, распределяющим» (Alekseev, 1998:112).

И в все же — в чем тревога С.С. Алексеева, выдающегося отечественного правоведа? Ученый отвечает: «Эта тревога обусловлена тем, что кредо рассматриваемой идеи ... в усилении государства в решении социальных вопросов, активизации его деятельности в экономике, в сфере распределения». И далее автор констатирует, что усиление государства экономико-распределительной сфере неизбежно ужесточит и расширит властно-императивные начала и публично-властное управление в экономических делах. А значит — вырастит бюрократический аппарат с тенденцией чиновничьего всемогущества и тенденцией вмешательства во все сферы экономической и социальной жизни и, как показывает современная практика, — с неизбежным злоупотреблением властью, коррупцией и мздоимством. И вот заключение, вывод профессора С.С. Алексеева: «Идея социального государства, таким образом, входит в противоречие с требованиями свободной рыночной экономики, демократической государственности и — что надлежит особо подчеркнуть — с основополагающими принципами правового государства, верховенства (правления) права в демократическом обществе».

Итак, с учетом сказанного можно констатировать, что либеральный плюрализм, идеология либерального государства, государства для человека могут породить социально-политические концепции политически и социально опасные для практического осуществления. По крайней мере С.С. Алексеев видел такого плана опасность в идее социального государства.

Думается, что усилить данную позицию можно и еще такой аргументацией. По существу, авторы теории социального государства уповают к правам человека, к такому их блоку, как социальные права. Сторонники данной идеи

полагают, что именно система социальных прав составляет содержание социального государства, о чем речь шла выше. Однако права и свободы человека есть главная ценность правового государства. Есть ли смысл, содержание, важнейшее составляющее теории правовой государственности, «перетаскивать» в другую теорию — социального государства? Речь идет, уточним, о системе социальных прав как составляющей более емкой системы — системы прав человека вообще.

Немецкие авторы также стараются взять под защиту конституционный принцип социального государства. И. Изензее и П. Кирххоф пишут, что «принцип социального государства, как и социальная проблематика вообще, не относится к традиционному перечню конституционных аксиом и потому исторически не связан с идеей республики. Но также как демократия и правовое государство, он нуждается в дополнении республиканским началом» (Izenzei, Kirchhof, 1994:32). Дальше больше. Отсутствие такого принципа, по их мнению, «ведет к пренебрежению свободой и собственностью» (Izenzei, Kirchhof, 1994:32). «Принцип же правовой государственности в его формальном выражении может быть истолкован как чисто инструментальный, о чем свидетельствует содержание этого принципа, которое вполне могло бы уложиться, например, в тексты Конституций ГДР и Советского Союза».

По оценке Изензее и Кирххофе, сформулированное в ст. 20 Основного Закона Федеративной Республики Германии положение о том, что данное государственное образование является социальным, есть результат толкования понятия либерального государства как гарантии защиты слабых и обеспечения минимума материального равенства. Определение государства как социального есть его понимание как государства, направленного на обеспечение социальной безопасности и социальной справедливости (Zhalinsky, Roericht, 2001:141). И далее немецкие авторы заключают: «Поэтому обозначение государства как социального не означает возложение на него конкретных обязанностей проводить конкретные социальные реформы» (Zhalinsky, Roericht, 2001:142). Что и требовалось доказать — социальное государство не есть обязанность государства что-то делать, реформировать и т.д. Это авторам видится как задача держаться какой-то социальной цели — цели человеческого благополучия.

Таким образом, в юридической науке высказаны разные позиции по вопросу перспектив идеи социального государства, необходимости ее закрепления в Основном Законе России.

Некоторые авторы в части постулирования конституционных идиологем (Т.Я. Хабриева) идут еще дальше и предлагают заняться выявлением «генетически присущих» ценностей нашего народа, чтобы они нашли наконец свою

идентичность в отечественной правовой материи, и в Конституции появилась возможность закрепить «единую идеологию»²¹.

VIII. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Концепция *институциональная* (концепция статуса властей и баланса). О неясности и нечеткой выраженности полномочий государственных ветвей власти в разного рода публикациях отмечается не только в связи с юбилеем Конституции РФ, но что, кстати, обращалось внимание сразу после ее принятия.

В Конституции РФ изначально не были разведены функции Президента как должностного лица в государстве с президентской формой правления в парламентском государстве и Президента как главы государства. Ст. 80 Конституции РФ (п. 1) констатирует, что «Президент Российской Федерации является главой государства», тем самым, по существу, поставлен знак равенства между этими понятиями. Между тем мировая практика исходит из разной природы президентской власти в *президентских* республиках, президентской власти в *парламентских* республиках и главы государства в *конституционных монархиях*. «Глава государства, — отмечает С.С. Алексеев, — призван представлять и олицетворять страну в целом, а также осуществлять координирующие функции, функции арбитра между властями. То есть функции, не выраженные во властной исполнительно-управленческой и тем более в законодательной деятельности» (Alekseev, 2009:30).

К чему привели так называемые «наслоения» высшей государственной власти? Президент РФ с «триединой» нагрузкой вынужден создавать и соответствующий аппарат, который формирует самостоятельно (ст. 83 п. «и»). В Конституции полномочия Администрации Президента РФ не прописаны вообще, они лишь сориентированы на его компетенцию и круг полномочий. По большому счету, это конституционный пробел, который привел к огромной концентрации государственной власти, по существу, неизбежно подмявшей другие вертикали властвующих структур. Правительство РФ, вместо того чтобы быть «исполкомом» общих дел в государстве, стало инструментом проведения задач Администрации Президента РФ. И кто бы не занимал должность премьер-министра, авторитет вряд ли завоюет. Его инициативы скованы, самостоятельность проявить невозможно, оперативность в решении неотложных задач также; иначе говоря, исполнительная государственная власть, если исходить из модели действующей Конституции РФ, не является «полнокровной». Такого плана суждения можно продолжить.

²¹ Колесников А. Генетические танцы на граблях // Ведомости. 2019. 22 мая; См. также: Баймухаметов С. О повторном введении единомыслия // Новая газета, № 58. 2019. 27 мая.

IX. ИТОГИ

Сказанное выше позволяет сделать общий вывод: необходима дискуссия, подчеркнем, серьезная дискуссия с привлечением специалистов с тем, чтобы в ближайшее время создать хотя бы «образ», примерную модель будущей Конституции России.

Конституция в современной России должна быть документом, адекватно отражающим реальность. Что имеется в виду? Прежде то, что российская действительность вышла из советского общества, его политической системы — а это сложный и многосоставляющий фактор. Речь идет не только о состоянии людей, где не могут не проследиваться ноты тоталитарного воспитания, но это и действующее законодательство, политические и правовые традиции. Все это движется динамично и, конечно, подвержено развитию. Словом, в российской ситуации желание иметь одну стабильную «вечную» Конституцию нереально, как бы ни хотели того сторонники одного раз и навсегда принятого Основного Закона. И чем дольше тянется такого плана двойственная ситуация — тем больше разрыв между реальной и формальной (писанной) конституций.

В заключение отметим также, что так называемый «русский конституционализм» имеет давнюю историю, причем непростую. Россия все ищет свою надежную правовую опору. Интересны и актуальны суждения А.В. Гоголевского о течениях конституционализма в начале XX века: «К этому рубежу русский конституционализм — отмечает ученый — подошел в виде разрозненных движений, не представляя собой цельного течения политико-правовой мысли, определенного общей концепцией» (Gogolevskij, 2001). Просматриваешь материалы того времени, и не перестаешь удивляться созвучности проблем нынешних и более чем столетней давности. И возникает вопрос: неужели Россия обречена на вечный поиск своей Конституции? Думаю, нет. Россия много пережила, много страдала. И много крови было пролито. Все это не должно быть зря, и думаю, что мы на пороге адекватного, юридически отточенного Основного Закона, предполагающего стабильное и наступательное развитие, отталкивающего кумовство и коррупцию.

В завершении отметим следующее. Материал для подготовки настоящей статьи занял достаточно продолжительное время. Объем публикации, как очевидно, ограничен. И в этой связи сказать хотелось следующее: за это время и не только, появилось немало блестящих, достаточно самостоятельных и аргументированных материалов по вопросам реформирования Конституции (Bondari, 2015; Khabrieva, 2016; Khabrieva, Andrichenko, 2017; Ovchinnikova, Chaganian, 2018; Bartsits, 2018; Zenkin, 2018; Rummyantsev, 2019; Lafitskiy, 2019).

Эта же проблема существует в зарубежных странах, и Россия здесь не одинока (Jones, 2013; Mbondenyi, Ojienda 2013; Elkins, Ginsburg, Blount, 2011; Dakolias, 2010; Keating, 2009).

Для меня это означает, что проблема конституционной модернизации, несомненно, есть, она интересна, и не только специалистам. А значит, и идея «круглых столов» по подготовке изменений и дополнений в Основной Закон страны имеет благодатную почву.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Alekseev, S.S. (2009), U istokov Konstitutsiy Rossiiy. [At the root of the Constitution of Russia. Subjective notes. Yekaterinburg], pp. 42. (In Russian).
Алексеев С.С. У истоков Конституции России. Субъективные заметки. Екатеринбург. 2009. 42 с.
- Alekseev, S.S. (1998), Filosofia prava. [Philosophy of law]. M., pp. 309–310. (In Russian).
Алексеев С.С. Философия права. М., 1998. С. 309–310.
- Bartsits, I.N. (2018), Konstitutsionnyy dizayn (o krasote i estetike konstitutsiy) [Constitutional Design (on the Beauty and Aesthetics of Constitutions)]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences. Issue 41, pp. 344–370. (In Russian).
Барциц И.Н. Конституционный дизайн (о красоте и эстетике конституций) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. Выпуск. 41. С. 344–370. DOI: 10.17072/1995-4190-2018-41-344-370.
- Bezrukov, A.V. (2017), Stabil'nost' Konstitucii RF i konstitucionnye preobrazovaniya: vozmozhnosti sochetaniya i realizacii [The stability of the Constitution of the Russian Federation and constitutional transformation: possibilities of integration and implementation] // Rossijskaya yusticiya [Russian Justitia]. № 3, pp. 5–7. (in Russian).
Безруков А.В. Стабильность Конституции РФ и конституционные преобразования: возможности сочетания и реализации // Российская юстиция. 2017. № 3. С. 5–7.
- Bondari, N.S. (2015), Strategiya rossijskogo konstitucionalizma: ot politicheskikh illyuzij k pravovomu realizmu [The strategy of Russian constitutionalism: from political illusions to legal realism] // Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian law]. № 11. (In Russian.), pp. 5–18. (in Russian).
Бондарь Н.С. Стратегия российского конституционализма: от политических иллюзий к правовому реализму // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 5–18.
- Cherdantsev, A.F. (2016), Integrativnoe nedoponimanie prava [Integrative Misunderstanding Law]. Zhurnal rossijskogo prava [Journal of Russian Law]. (10), pp. 8–15. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Интегративное недопонимание права. Журнал российского права. № 10. 2016. С. 8–15. (in Russian).
- Cherdantsev, A.F. (1999), Teoriya gosudarstva i prava [Theory of State and Law]. Moscow, pp. 162–164. (in Russian).
Черданцев А.Ф. Теория государства и права. М., 1999. С. 162–164.
- Dakolias, M. (2010), Are We There Yet?: Measuring Success of Constitutional Reform. VANDERBILT JOURNAL OF TRANSNATIONAL LAW Vol. 39:1117. (in English).
- Denisov, S.A. (2018), Imitaciya konstitucionnogo stroya [Imitation of the constitutional order]. Ekaterinburg, pp. 75. (in Russian).
Денисов С.А. Имитация конституционного строя. Книга 1. Екатеринбург. 2018. С. 75.
- Elkins, Z., Ginsburg, T. Blount, J. (2011), Constitutional Reform in the English-Speaking Caribbean: Challenges and Prospects. A report prepared for the Conflict Prevention and Peace Forum. 20 pp. (in English).

- Gogolevsky, A.V. (2001), *Russkij konstitucionalizm: ot samodержavija k konstitucionno-parlamentskoj monarhii*. [Russian constitutionalism: from autocracy to constitutional parliamentary monarchy]. Moscow, pp. 490. (in Russian).
Гоголевский А.В. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии. М. 2001. 490 с.
- Izensee, I., Kirchhof, P. (1994), *Gosudarstvennoe pravo Germanii* [State Law of Germany]. (1), pp. 32. (in Russian).
Изензее И., Кирххоф П. Государственное право Германии. В 2-х томах. Том 1. М., 1994. С. 32.
- Jones, R. (2013), *Constitutional Reform and the Contribution of the Political Parties since the Beginning of the 20th Century*. MANCHESTER STUDENT LAW REVIEW. Vol 2:110. 110–147 pp. (in English.).
- Keating, M. (2009), *Second Round Reform. Devolution and constitutional reform in the United Kingdom, Spain and Italy*. LSE' Europe in Question' Discussion Paper Series. (15). European University Institute, Florence. (in English).
- Khabrieva, T.Ya., Andrichenko, L.V. (2017), *Konstitucionnye reformy na postsovetском prostanstve: tendentsii razvitiya* [Constitutional Reforms in the Post-Soviet Space: Development Trends]. Vestnik Permskogo Universiteta. Juridicheskie Nauki — Perm University Herald. Juridical Sciences. Issue 37. Pp. 272–287. (In Russian).
Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37. С. 272–287.
- Khabrieva, T.Ya. (2016), *Konstitucionnye reformy v sovremenном mire* [Constitutional Reform in Today's Context]. М.: RAS Nauka, pp. 269–275. (in Russian).
Хабриева Т.Я. Конституционные реформы в современном мире. Вестник Российской Академии Наук. 2016. Т. 86, в. 4. 269–275 с.
- Klishas, A.A., Yeremyan, V.V. (2014), *Konstituciya 1993 kak novyj etap demokratizacii Rossijskoj gosudarstvennosti* [Constitution of 1993 as a new stage of democratization of the Russian statehood], pp. 4. (in Russian).
Клишас А.А., Еремян В.В. Конституция 1993 как новый этап демократизации Российской государственности. М., 2014. С. 4.
- Kornev, V.N. (2019), *Integrativnaya priroda Konstitucii Rossii* [The integrative nature of the Russian Constitution]. Rossijskoe pravosudie [Russian justice]. (12), pp. 8–15. (in Russian).
Корнев В.Н. Интегративная природа Конституции России. Российское правосудие. № 12. 2019. С. 8–15.
- Lafitskiy, V.I. (2019), *Eroziya Konstitucii i konstitucionnoj pravoprimeritel'noj praktiki (kriticheskie zametki v preddverii yubileya Konstitucii RF 1993 g.)* [Erosion of the Constitution and Constitutional Enforcement Practice (critical notes on the threshold of the jubilee of the Constitution of the Russian Federation of 1993)]. Vestnik Constitutional. 4 (22) (in Russian).
Лафитский В.И. Эрозия Конституции и конституционной правоприменительной практики (критические заметки в преддверии юбилея Конституции РФ 1993 г.). Конституционный вестник. 2019. № 4 (22).
- Lukyanova, E.A. (2015), *Konstitucionnye riski* [Constitutional risks]. Moscow, p. 28. (in Russian).
Лукьянова Е.А. Конституционные риски. М. 2015. С. 28.
- Maslovskaya, T.S. (2016), *Novye napravleniya konstitucionnyh reform v zarubezhnyh stranah (dinamika poslednih pyati let)* [New directions of constitutional reforms in foreign countries (dynamics of the last five years)]. Journal of Foreign Law and Comparative Law. 4, pp. 82–87. (in Russian).

Масловская Т.С. Новые направления конституционных реформ в зарубежных странах (динамика последних пяти лет) // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. № 4. 2016. С. 82–87.

Mbondenyi, M.K. Ojienda, T. (2013), *Constitutionalism and Democratic Governance in Africa: Contemporary Perspectives from Sub-Saharan Africa*. University of Pretoria. p. 395. (in English).

Ovchinnikova, Olesya D., Chaganian, Annetta M. (2018), *Yuridicheskie obyazannosti cherez prizmu teoretiko-pravovogo analiza polozhenij Konstitucii Rossijskoj Federacii* [Legal obligation through the prism of the theoretical-legal analysis of the provisions of the Constitution of the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo State University. Law*. (27). (in Russian).

Овчинникова О.Д., Шаганян А.М. Юридические обязанности через призму теоретико-правового анализа положений Конституции Российской Федерации. *Вестник Томского государственного университета. Право*. 2018. № 27.

Rumyantsev, O.G. (2019), *O 25-letii Konstitucii Rossijskoj Federacii i novom nomere «Konstitucionnogo vestnika»* [On the 25th anniversary of the Constitution of the Russian Federation and the new issue of the *Vestnik Constitutional*]. *Vestnik Constitutional* 4 (22), pp. 284–294. (in Russian).

Румянцев О.Г. О 25-летию Конституции Российской Федерации и новом номере «Конституционного вестника». *Конституционный вестник*. 2019. № 4, 284–294 с. (22).

Umnova (Konjukhova), I.A. (2015), *Novye tendencii i osobennosti primeneniya Konstitucii RF rossijskimi sudami. V sb. primeneniye nacio-nal'nyh konstitucij v Rossijskoj Federacii i Francii: sravnitel'no-pravovoj aspekt* [New trends and features of the application of the Constitution of the Russian Federation by the Russian courts. On Sat application of national constitutions in the Russian Federation and France: comparative legal aspect]. Frolova I.A. (eds). Moscow, pp. 51–59. (in Russian).

Умнова (Конюхова) И.А. Новые тенденции и особенности применения Конституции РФ российскими судами. В сб. применение национальных конституций в Российской Федерации и Франции: сравнительно-правовой аспект. Под ред. Фроловой И.А. М., 2015. С. 51–59.

Zenkin, S.A. (2018), *Modernizaciya Konstitucii Rossijskoj Federacii: normativnaya model' i praktika* [Modernization of the Russian Federation Constitution: a regulatory model and practice]. 11 (144). (in Russian).

Зенкин С.А. Модернизация Конституции Российской Федерации: нормативная модель и практика. 2018. № 11 (144).

Сведения об авторе:

Власенко Николай Александрович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории права и государства Юридического института Российского университета дружбы народов, заслуженный юрист Российской Федерации

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396

Контактная информация:

e-mail: vlasenko-na@rudn.ru

Для цитирования:

Власенко Н.А. Модернизация конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2019. Т. 23 № 2. С. 163–183. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183.

Дата поступления в редакцию: 22 мая 2019 г.

Дата принятия к печати: 30 мая 2019 г.

**MODERNIZATION OF THE CONSTITUTION OF RUSSIA
(TO THE RESULTS OF THE DISCUSSION IN CONNECTION
WITH THE 25TH ANNIVERSARY)**

Nikolay A. Vlasenko

Peoples' Friendship University of Russia
Law Institute

6, Miklukho-Maklaya st., Moscow, Russia, 117198

A quarter of a century has passed since the adoption of the Constitution of the Russian Federation by a national referendum. The jubilee gives a reason to talk about the optimality of constitutional provisions, their effectiveness, and somewhere practical expediency. The article aims to analyze the points of view expressed in this regard in the scientific press, newspaper periodicals and other media. However, the author first refers to the history of the emergence of the Constitution of the Russian Federation in 1993. It is noted that the Basic Law, on the one hand, was a result of military-political compromise between supporters of the parliamentary vision of the future structure of the country and supporters of a strong presidential power, on the other hand, allowed ultimately abolish the Soviet system and traditions. The mentioned situation and the factor of haste and hurry could not but affect the content and technical and legal quality of the document. The author has reduced the opinions expressed on the issue of modernization of the Constitution of the Russian Federation to three main positions: 1) The Constitution has not exhausted its potential and there is no reason to change its text; 2) a full-fledged constitutional reform is required, the current Constitution has exhausted its potential; 3) there is a need for precise partial changes and additions that can improve the Constitution.

The article argues that the last position of the so-called precise partial changes is the most productive and allows to make the constitutional document adequate and relevant. In this regard, it is proposed to hold several round tables at the initial stage on the development of concepts for improving the constitutional foundations. One of them, the author calls promising and offers to prepare a list of proposals for the removal of ideologically and actually not confirmed in practical life provisions. These are provisions about Legal State (excluding the principle of separation of state power), Welfare State, etc. Another concept that also needs to be developed is institutional (the concept of the legal status of public authorities, their powers, checks and balances, etc.). These ideas, the author believes, should be a compromise between scientists, then become public and be implemented in the practice of constitutional construction.

Key words: Constitution, Legal Constitution, Current Constitution, Legal State, Welfare State, Constitutional Legislation, Head of State

Information about the author:

Nikolay A. Vlasenko — Doctor of Legal Sciences, Professor, professor of Department of Theory of Law and State of RUDN University, Honored Lawyer of the Russian Federation

ORCID ID: 0000-0002-9548-3396

Contact information:

e-mail: vlasenko-na@rudn.ru

For citation:

Vlasenko, N.A. (2019), Modernization of the Constitution of Russia (to the Results of the Discussion in Connection with the 25th Anniversary). *RUDN Journal of Law*. 23 (2), pp. 163–183.

DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183.

Article received May 22, 2019

Article accepted May 30, 2019